

**Чистота крови —
чистота помыслов**

I

Киллиан Парис Бёрко.

Ни в одном учебнике по истории не значилось это имя. Мне пришлось перерыть все полки в секторе «Отечественная история», прежде чем я наткнулся на императора Париса Бёрко, прапрапра... — сколько там ещё этих «пра-», не счесть — дедушку. Вероятно, второе имя в честь него. Правил он мало, никаких важных реформ не утвердил, войн не вёл, и так уж выходило, что мы его пропускали на занятиях.

Я так увлёкся поисками, что кто-то из учеников пожаловался на меня из-за чрезмерного шума, недопустимого в стенах библиотеки лица. Само собой, мне сделали замечание, но, учитывая, что днём ранее я узнал, что моя прежняя жизнь была самым настоящим фарсом, слова сердитой работницы библиотеки показались мне всплеском воды посреди мощного шторма.

Я извинился, пообещав быть тише; только сейчас я осознал, как странно выгляжу. У нас не было никаких важных заданий по истории, поэтому мои хаотичные поиски в отделе с династией Бёрко могли показаться

кому-то подозрительными. Я устало опустился на стул и решил не спешить с выводами.

Допустим, я и правда последний наследник, сын Лукяна Бёрко. Кто об этом знает? Отец (поправочка: неродной отец), Гедеон, Люмьер, Оскар и мистер Вотермил. Это те люди, которые точно в курсе происходящего. Но кто ещё? Их определённно должно быть больше.

Теперь вопрос в другом. Почему Уильям Хитклиф взял меня в семью и выдал за своего сына? Он состоит в Совете старейшин. Туда рвётся и Гедеон. Что собой представляет Совет старейшин, я знал лишь по урокам обществознания. Он руководит страной, состоит из чистокровных, делится на партии, его члены голосуют за или против законов. На этом мои познания заканчивались. Совет старейшин появился после падения империи. Если я — это всё ещё не укладывалось в голове — ...нет, если принц взойдёт на престол в девятнадцать лет, Совет старейшин может потерять былую власть. Что, если Уильям Хитклиф забрал меня к себе, лишь бы я никогда не узнал, что являюсь принцем, и тем самым не сверг существующий политический аппарат? Но ведь проще было бы от меня избавиться...

Что-то не сходилось, и это раздражало. Мне было около года. Уильям Хитклиф мог убить меня, как убили остальных членов семьи Бёрко, либо убрать с дороги, когда мне исполнилось два или три года, например утопить, а затем месяцок погоревать на виду у соседей. Поддержать легенду, что любимый младший сын утонул. Мне уже стукнуло шестнадцать, а я всё ещё жив, значит, ему нужно что-то другое.

Допустим, мне никогда бы не рассказали, что я принц. Да и сейчас я узнал об этом только благодаря тому, что подслушал чужой разговор. Я мог всю жизнь считать,

что меня зовут Готье Хитклиф. Наверное, это было бы меньшим из зол.

Отец не скрывал, что наблюдает за мной в стенах лицея. Оценки, незначительные замечания, всё то, что стоило донести до родителей, обязательно было донесено. И то, что меня не было на первом уроке на днях, а затем я появился в заляпанной кровью рубашке на два размера больше положенного — уверен, отцу доложили и об этом. Я всё ждал, что он вызовет меня к себе в кабинет, но, как оказалось, он был слишком занят работой. Судьба давала мне время на передышку перед серьёзным разговором.

Оглядевшись, я понял, что никому нет до меня дела. Я рванул сегодня в библиотеку, как только прозвенел звонок на большую перемену, бежал, перепрыгивая через ступеньки, и чуть не сшиб младшеклассника в дверях.

В общей какофонии я различал перешёптывания, кто-то спереди готовился к зарубежной литературе, перелистывал страницы, сбоку кто-то тихо диктовал напарнику химическое уравнение, скрипел стул, слышались звуки пишущих ручек, шелест тетрадей и быстрое клацанье по клавиатуре.

На моём столе возвышалась гора из книг. Я был решительно настроен просмотреть каждую в поисках зацепки. Но, подумав, осознал, что таким поведением дам понять отцу, что со мной что-то произошло, — конечно, если ему об этом доложат. Либо я влюбился в учительницу истории, престарелую миссис Столь, и теперь из кожи вон лезу, чтобы произвести на неё хорошее впечатление, либо узнал, что я наследник императорской династии, и рыщу в поисках информации о потерянной семье.

И я не знал, говорит это во мне здравый смысл или параноя.

Что если я сознаюсь отцу и брату в том, что знаю правду? Каковы будут их дальнейшие действия? Попытается ли кто-нибудь из них избавиться от меня? Ведь как принц я могу распустить Совет старейшин. С младших классов нас убеждали, что Лукиан Модест Бёрко был никудышным императором, чьё правление привело к восстанию полукровок и низших. Подавить восстание смог только Совет старейшин. Получается, я — единственная угроза для нынешней власти.

Всё, что известно о смерти императорской семьи, это то, что когда стража ворвалась в разгромленный дворец, то увидела тело императора с пулевыми ранениями. Северина Бёрко вместе с детьми была застрелена в восточном дворце.

У меня не было к ним родственных чувств, я не знал никого лично, а в моей голове они до сих пор оставались только историческими личностями со страниц учебников. Из-за этого казалось, что я чёрствый сухарь, не способный сопереживать. Они моя семья, но я не испытывал по отношению к ним ничего, кроме смятения и недоверия.

До конца перемены оставалось ещё пятнадцать минут, нужно было срочно что-то предпринять, иначе я не усжу за партой во время урока. Краем глаза я заметил, как работница библиотеки то и дело бросает в мою сторону недовольные взгляды. Кажется, она уже записала меня в список нежелательных посетителей. Я принялся вяло разбирать книги и возвращать их на полки. Это было ошибкой. Стоило просто оставить всё на столе. Я перепутал порядок расстановки книг — войны девятнадцатого века перекочевали в один ряд с Великими географическими открытиями, а «История великой династии Бёрко» теперь соседствовала с биографиями Аристотеля и Платона.

— Ты целенаправленно пытаешься запихнуть «Взлёты и падения Лукиана Бёрко» в один ряд с военными реформами восемнадцатого века? — внезапно раздался позади меня насмешливый голос, да так, что я чуть было не выронил три книги, которые пытался удержать в одной руке, пока второй безуспешно тыкался в плотный книжный ряд.

Не знаю, по какому случаю Оливер решил посетить библиотеку, но мне совсем не хотелось сейчас объяснять стопки книг на столе. Ему точно не соврёшь о том, что задано по истории.

— Мгм, — неопределённо промычал я, пойманный на месте преступления, повернулся и столкнулся с Оливером взглядами. — Не заметил, куда ставил.

— А-а-а, — с долей разочарования протянул он. — А я уже было подумал, что ты специально приходишь в библиотеку, чтобы перемешивать книги в разных секторах.

Я не мог понять, шутит он или говорит серьёзно. Может, Оливер сам любитель время от времени устроить бардак в библиотеке. Возможно, из-за таких вот шалостей старенькая работница всё время на взводе.

— Что читал? — Он с интересом пробежал взглядом по корешкам книг. — Биография Бёрко?

— Да так... — неуверенно начал я, пытаюсь придумать убедительную причину. — Поспорил со Скэриэлом насчёт императора...

— Да? И о чём же? — не унимался Оливер.

Я точно знал, что он видит мои жалкие попытки оправдаться и с нескрываемым удовольствием следит за тем, как я буду выкручиваться, застигнутый врасплох. Зря я упомянул Скэриэла, ведь Оливеру он нравится. Они даже успели поцеловаться! Я чуть было не дал себе по лбу. Надо было что-то ляпнуть про Габриэлла или ещё кого, в ком он совсем не заинтересован.

— Ну... Я вот считаю, что Лукиан Бёрко в свободное время любил вязать шарфы.

Оливер посмотрел на меня так, словно я испортил воздух. Лучше бы промолчал, честное слово. Я видел, как он переосмысливал своё дружелюбное отношение ко мне. Кажется, я стремительно скатился в его глазах на самое дно и таким образом скоро окажусь в одном ряду с Мартином и Кливом.

— Точнее, ищущая, вязала ли Северина Бёрко, — исправился я на ходу, вспомнив, как мама однажды подарила мне шарф.

Со стороны раздалось раздражённое шиканье, напоминающее о том, что мы в библиотеке. Понизив голос, Оливер спросил:

— И как?

— Что как?

— Вязала ли Северина Бёрко? — посмеялся он.

— В книгах об этом ни слова... — Я запихнул оставшиеся тома на полку и вернулся за стол.

— Тогда поищи в интернете, — с улыбкой посоветовал Оливер, присаживаясь рядом. До этого он держал руки в карманах, теперь я увидел, что его правая ладонь аккуратно перевязана бинтом.

— Вся информация об императорах проходит цензуру. — Я убрал тетрадь в рюкзак. На языке так и вертелся вопрос о забинтованной руке.

— Но ты же не взрывчатку собираешь, — хмыкнул он. — Хотя если что-то личное ищешь, то воспользуйся VPN.

Почему мне это не приходило в голову? В Октавии интернет контролируется, новости фильтруются, большинство зарубежных сайтов блокируется, но есть аналоги, вполне позволяющие жить комфортно. Я никогда прежде

не задумывался о том, чтобы установить VPN, но, с другой стороны, и поиском запрещённых тем тоже не занимался.

— А ты пользовался?

Оливер подпёр подбородок кулаком, удивлённо приподнял правую бровь и глянул на меня, словно мы говорили о прописных истинах, которые только мне одному неизвестны.

— Постоянно сижу с VPN.

Я зачем-то медленно кивнул. Оливер хмыкнул, опёрся на спинку стула, разглядывая меня.

— Я так порно ищу, — добавил он мимоходом.

Вот это, конечно, тема для обсуждения. Я замолчал, уткнувшись в сцепленные перед собой ладони.

Оливер пощёлкал пальцами перед моим носом.

— Эй, Хитклиф, — прыснул он со смеха. — Не заморачивайся.

— Ты что-то хотел найти в библиотеке? — решил я сменить тему. До конца перемены оставалось не больше десяти минут.

— Тебя.

— Зачем?

Тут он стушевался, мигом растеряв остатки бывшего лоска. Спрятал руки под стол, придвинулся ближе, словно собираясь поделиться со мной какой-то тайной. Нервно обвёл взглядом остальных в зале, затем неуверенно вернулся ко мне. Смотрел он при этом мне в район ключиц.

— У тебя, случайно, нет номера телефона Бернарда?

— Прости, но нет. Да никогда и не было. — Подавшись к Оливеру, я тоже понизил голос.

С Бернардом я виделся, только когда собирались папины друзья. Его отец владел больницей, был прекрасным врачом. Я не мог представить, как у Оливера, того самого, что на встречах стоял с сестрой в сторонке

и практически ни с кем не общался, и шумного Бернарда, болтавшего с гостями в центре зала, могло быть что-то общее. Хотя, должен признать, я мог ошибаться. Раньше я считал, что у Скэриэла и Леона нет ничего общего, пока Скэр не удивил познаниями в балете.

— Жаль, — разочарованно сказал Оливер. — Ты просто часто с ним зависал, когда мы семьями собирались.

— Ага, но номерами не обменивались и за пределами этих встреч не общались. Ты можешь спросить у Оскара, они соседи.

— С Оскаром я совсем не знаком. Только здороваемся, и всё. — Оливер окончательно раскис.

— У меня есть номер телефона Оскара... — начал было я и замолчал.

Вчера я принял жёсткое решение вычеркнуть его из своей жизни, а теперь вот заикнулся перед Оливером.

— Ты можешь его попросить достать номер Бернарда? — Приблизившись, Оливер приподнялся на локтях.

— Не знаю... — замялся я, отодвигаясь и соображая, за что ухватиться, как вывернуться. — Мы с ним тоже не близки. Геден с Оскаром в ссоре, и, если я буду общаться с ним, мне влетит, — честно признался я под конец.

— Понимаю, — протянул он, хотя мне казалось, что ни черта не понимает.

— Прости за нескромный вопрос, а зачем тебе номер Бернарда?

— У меня был его номер, но, представляешь, я утопил телефон! Я хотел у Бернарда спросить про латынь в академии. Что именно они проходят, какой преподаватель. Слышал, что он хорош в латыни.

Не знаю, врал ли Оливер или нет, но звучало достаточно убедительно. Я слышал о том, что Бернард изуча-

ет латынь, да он и сам рассказывал смешные истории с занятий.

— А с рукой что? — Я указал на бинты.

Оливер с непониманием посмотрел на меня, затем на свою правую ладонь, словно только сейчас о ней вспомнил.

— Да пустяки, — отмахнулся он. — Ночью проголодался и хотел приготовить сэндвичи с сыром. Как видишь, повар из меня бестолковый.

— Нарезал сыр в темноте, что ли? — Настал мой черёд шутить.

— Что? — Казалось, что мысли Оливера далеко отсюда. — А, нет. Просто нож соскочил.

— А у Леона спрашивал про номер Бернарда?

— Леон? Они общаются? — Глаза у Брума округлились.

— Мне кажется, да.

«Точно общаются», — подумал я, вспоминая, что Бернард — обладатель дружелюбного характера и мастер весёлых историй, при этом любящий потрепаться не по делу и перемыть другим косточки. Именно он рассказал Леону про драку между Гедеоном и Оскаром, так ещё и что-то там вякал про Скэриэла.

«Бернард говорил, что у тебя появился ручной полукровка», — сказал тогда Леон.

— Вот вы где! — торжественно раздалось сбоку, а следом — агрессивное шиканье от наших ближайших соседей. Мы с Оливером вздрогнули и повернулись.

Лаванда Фло, наша староста, заведовавшая организационными вопросами в лицее, стояла напротив стола с папкой в руках. Оливер мигом отодвинулся, словно само её присутствие было ему неприятно. Я вспомнил, как он однажды у меня дома так отреагировал на Лору. Тогда он ещё умудрился скорчить гримасу, но в этот раз

сдержался. У меня закрались подозрения, что Оливер на дух не переносит девушек.

— Вы мне и нужны, — не дожидаясь приветствия, деловито объявила Лаванда, чуть понизив голос. — Мы в общем чате решили устроить дополнительные занятия по танцам для тех, кто плох в вальсе.

— Общий чат?

— Вальс?

— Да, дорогие мои, — с укором подтвердила Лаванда. — Вы оба вышли из чата ещё в начале года. А мы там, между прочим, важные дела обсуждаем.

— Точно, — прыснул Оливер. — Да я сразу вышел, как увидел десятки сообщений «Приветтики!» и «Как прошло ваше лето?». У меня еле хватает терпения видеть вас по полдня в лице, боже упаси ещё читать эти сообщения сутки напролёт.

Выглядел он при этом очень довольным собой. Лаванда вся напряглась; я был готов к тому, что она сейчас его треснет папкой.

— Я не выходил, — в тон Лаванде произнёс я, — просто отключил оповещения, а то вы там до двух ночи мемы с котятками кидали.

Оливер положил ногу на ногу и ритмично покачивал ступнёй. Смотрел он на Лаванду, словно она устроила целое представление.

— Не важно, — отрезала она, пытаясь сдержаться и не высказать пару ласковых. — Мы будем танцевать вальс на выпускном. Вас записывать на дополнительные занятия?

— До выпускного ещё полгода! — повысил голос Оливер. Я глянул на работницу библиотеки, та грозно уставилась на нас в ответ.

— Ой, кто это тут у нас возмущается, неужели гуру организации? — Прищурившись, Лаванда сложила руку козырьком у лба, словно высматривала кого-то по сторонам, затем пренебрежительно глянула на Оливера. — Вот если бы ты занимался организационными моментами, то знал бы, что всегда нужно готовиться заранее, а это значит, собрать желающих, — она принялась загибать пальцы, перечисляя, — найти преподавателя, помещение, обговорить расписание, оплатить занятия...

— Понял, каюсь. — Оливер театрально поклонился ей. — Пять ударов плетью мне по спине, и конфликт решён.

— Обойдёмся без кровопролития. Так что с занятия-ми? Вас записывать? Как у вас с вальсом?

— Обязательно танцевать? — спросил я.

— Да! Ты хоть понимаешь, что это наш выпускной и там мы...

— Стоп, стоп, стоп. — Оливер примирительно выставил руки вперёд. — Мы всё поняли. — Положив руку на грудь, он с чувством произнёс: — Выпускной — дело всей жизни. — И, обращаясь ко мне, драматично изрёк: — Как мы могли это забыть?

Не сдержавшись, я прыснул от смеха. Лаванда вспыхнула гневом. То, с каким рвением она бралась за дело и как верила в то, чем занимается, было прямо противоположно тому, с каким пренебрежением относился ко всему происходящему Оливер. Вдобавок я ещё посмеялся над шутками Брума в её присутствии. Думаю, для таких, как я и Оливер, в аду припасён отдельный котёл.

— Нет, мы не будем ходить на дополнительные занятия, — подытожил Оливер, вальяжно развалившись на стуле.

— А ты умеешь танцевать? — недоверчиво прищурилась Лаванда.

— Да. Я помогу Готье с подготовкой, если ты оставишь нас в покое.

— Делайте как вам угодно, — с обидой бросила она и, развернувшись на каблуках, направилась к выходу.

— Её бы энергию да в мирное русло, — покачал головой Оливер, провожая Лаванду взглядом.

И тут я задумался над тем, что если Оливеру и правда некомфортно с девушками, то как он будет танцевать на выпускном? Только если с Оливией. Я бы тоже не прочь с ней потанцевать. В нашем классе девочек было меньше, чем мальчиков, поэтому я не понимал, как мы разобьёмся на пары. Быть может, администрация разрешит пригласить кого-нибудь не из лица. Хотя приглашать мне было некого. Я внезапно осознал, что у меня практически нет друзей.

— Пойдём, скоро звонок, — вздохнул Оливер, поднимаясь.

— Где Оливия? — Я двинулся следом, закидывая рюкзак на плечо.

— Парень из параллели попросил её поговорить наедине, — равнодушно бросил он. — Наверное, в любви признаётся, а она вежливо его отшивает.

Сердце сделало кульбит, но я быстро взял себя в руки. Оливер с любопытством оглянулся, проверяя, как я отреагирую.

— Она тебе нравится, да? — прищурившись, спросил он.

— Да, — честно признался я. Не было смысла лукавить. Оливер видел меня насквозь. У Оливии в поклонниках половина лица, и он их всех недолюбливал.

Песнь Сорокопута. Ренессанс

Мы торопливо пересекли холл, направляясь к лестницам.

— Ты ей тоже нравишься, — как ни в чём не бывало произнёс Оливер. Опередив меня, он поднялся по ступенькам.

Я встал как громом поверженный, не осознавая, что мешаю потоку учеников. Это не могло быть правдой, но я, как утопающий, схватился за соломинку. Оглянувшись на меня, Оливер хмыкнул и спустился, встав на две ступеньки выше.

— Я думаю, она в тебя влюблена, — проговорил он в тот самый момент, когда заиграла мелодия, возвещающая начало урока.

— Что? — Я ухватил его за рукав и с силой потянул на себя. — Ты издеваешься?

Я правильно всё расслышал? Влюблена? Быть того не может. Ученики понеслись к кабинетам, а мы так и стояли на лестнице.

— Я серьёзен, — проговорил Оливер. — У неё есть личный дневник. Она пишет там инициалы «Г. Х.». Думаю, что это ты, Готье Хитклиф.

II

— Если Адам скажет что-то грубое, не реагируй, — шепнул Скэриэл, прежде чем мы вошли в кабинет.

Большое полуподвальное помещение. Ни капли дневного света. Гнетущая атмосфера богом забытого места, где порой творились страшные вещи. Я сглотнул и уставился на свои ботинки. Под ногами тёмно-коричневый паркет с горизонтальным рисунком, никак не сочетающимся с бетонными стенами. Огромная дизайнерская люстра портила и без того убогую картину, открывшуюся мне. Искусственный приглушённый свет обычно ассоциируется с интимной обстановкой, но здесь складывалось ощущение, что хозяину попросту не хватало денег на нормальную люстру. Но это было абсолютно не так. Стены выкрашены в багровый, давящий на психику цвет. Скэриэл однажды сказал, что стены часто покрывались кровавыми брызгами, а отмывать поверхность от застывших капель — неблагоприятное занятие. Я не представлял, как можно долго сидеть здесь и не сойти с ума.

Меня нервировало нахождение в кабинете у мистера Эн. Его звали Энтони, кто-то ляпнул, что в молодости он был «жестокий Тони» или «Тони Без Обид». Этот человек

с лёгкостью избавлялся от своих подельников со словами: «Без обид, дружище». Кто в здравом уме мог согласиться с ним работать?

Да только вот Скэриэл работал.

Мистер Эн руководил большей частью территории Запретных земель, годами отвоёвывая каждый метр у местных банд и группировок. Я знал, что клуб «Глубокая яма» принадлежит ему. До меня доходили слухи, что основную прибыль мистер Эн получал от оборота наркотиков, среди которых важное место занимал наркотик вис¹ — имитация тёмной материи. Я никогда не видел таблетки вис своими глазами. Это не то, что тебе могут предложить в особенно тёмных уголках ночного клуба.

Оперевшись на спинку стула, мистер Эн сидел за огромным, заваленным бумагами столом. На полу — большая пустая сумка. В стороне — продавленный низкий диван, на котором вальяжно уселся Адам с ещё одним парнем. Мистер Эн курил толстую сигару, сосредоточенно наблюдая за тем, как два амбала выбивают дурь из мужчины напротив. Мы прошли вглубь и встали сбоку от жестокой расправы. На лице Скэриэла не дрогнул ни один мускул, словно это было обыденностью: наблюдать за наказанием подчинённых. Впрочем, и мистер Эн не обратил на нас внимания.

Я успел разглядеть сплошное кровавое месиво на лице мужчины. Глаза заплыли синяками, словно его били уже не первый час. Нос кошмарно покосился и распух. Передние зубы отсутствовали; он громко кашлял, давясь кровью. Светлый свитер был весь забрызган алыми каплями. Ткань выглядела поношенной, с катышками, грязными разводами, будто кофтой успели несколько раз вытереть пол. Чуть поодаль в углу валялась порванная куртка. Посиневшие

¹ В и с — от латинского *vis* — «сила». (Прим. автора.)

запястья мужчины были связаны за спиной; иногда он заваливался на сторону, не в силах устоять на слабых ногах.

После очередного града ударов мистер Эн металлическим голосом произнёс:

— В последний раз спрашиваю, где деньги?

— Я... — мужчина пытался отдышаться, по подбородку текли кровавые слюни, — не... знаю. — Он захрипел, закашлялся, алые брызги долетели до бумаг на столе.

От гнева лицо мистера Эна покраснело, а губы сжались в тонкую линию. Я задавался вопросом, сколько длится допрос с побоями.

— Избавьтесь от него, — раздражённо бросил мистер Эн.

Мужчина взвыл, как подстреленный зверь. Он пытался отползти, но, получив удар в солнечное сплетение, затих, размазывая кровь по полу. Мистер Эн сдвинул брови и сморщил нос — кажется, он был недоволен чистотой паркета. Брезгливость так и читалась на его лице.

Один из амбалов вышел из кабинета. Я не отрываясь смотрел на избитого мужчину. Он хрипел, временами пытаясь сказать что-то ещё. Взглянув на Скэриэла, я с ужасом понял, что эта сцена никак его не тронула. Он тоже наблюдал за избитым, но выглядел отстранённо. Мистер Эн не спеша курил сигару, выпуская столбы табачного дыма. В помещении стоял затхлый сырой запах с нотками крови и дыма дорогой сигары. Подойдя ближе к мистеру Эну, можно было уловить шлейф тяжёлого одеколona, забивавшего посторонние ароматы. После этой встречи я ещё долго ощущал на себе его парфюм.

Вскоре вернулся громила. Кажется, его звали Рой. Я встречал его раньше и помнил с тех времён, когда он работал вышибалой в клубе. Теперь он стал мастером по части запугиваний, расправ и заметания следов.

Рой притащил ведро с водой. Нёс он торопливо, не боясь расплескать по дороге. В голову закралась страшная мысль. Неужели они утопят его у нас на глазах? Скэриэл устало переступил с ноги на ногу, отошёл на два шага назад и лениво прислонился к стене. Для полноты картины ему не хватало ещё достать пилочку для ногтей. Я отошёл следом.

Второй амбал поднял беднягу, грубо схватив за волосы, и с силой опустил его голову в ведро, основательно расплескав воду. Избитый начал вырываться; поднялись пузыри с выходящим воздухом. Он кричал под водой. Тело забилося в конвульсиях. Пока один держал мужчину, второй налёг на ведро, чтобы оно не перевернулось. Казнь длилась две долгие минуты. Я краем глаза заметил, как Адам на диване оскалился, наблюдая за поникшим телом. Его друг выглядел испуганным.

— Тихо, чисто, практично, — довольно заключил мистер Эн, пока один его подручный уносил тело, а второй наскоро протирал паркет чужой порванной курткой, и учительным тоном добавил: — И меньше крови.

Адам криво улыбнулся.

— Пусть это для вас будет уроком на будущее. — Мистер Эн обвёл нас хмурым взглядом. — Всем, — он поднял указательный палец, привлекая наше внимание, а затем указал на себя, — кто попытается меня кинуть, обокрасть, прямая дорога на кладбище. — И постучал пальцем по столу, указывая вниз. — Адам. — Он взглянул на парня и позвал к себе; тот поднялся, подошёл ближе. — Подёргай за свои ниточки и узнай, куда этот сукин сын дел товар и деньги.

— Да, босс.

— Кто это с тобой? — Прищурившись, он внимательно осмотрел парня позади него.

— Мой напарник Кэмерон.

— Участвовал с тобой в налёте?

Адам кивнул.

— Ему можно доверять?

— Да. Ручаюсь за него.

— Подойди.

Кэмерон встал рядом с Адамом.

— Статус?

— Полукровка.

— Сколько лет?

— Восемнадцать.

— Принимаешь, нюхаешь, колешься? — требовательно спросил мистер Эн.

— Балуюсь марихуаной.

— Тебе ещё придётся заработать моё доверие, — скептически отозвался мистер Эн, повернулся к нам, бегло взглянул на меня и обратился к Скэриэлу: — Как его зовут?

Адам недовольно хмыкнул, с презрением смотря на нас.

— Джером, — отчеканил Лоу. — Мы с ним уже полгода работаем вместе, из одного интерната вышли. Ему можно доверять. — Он кашлянул в сторону, добавив: «В отличие от некоторых».

— В лицо выскажи, ублюдок! — вспыхнул Адам.

— Кто ты, чёрт тебя дери, такой, чтобы я с тобой разговаривал, мудила? — не остался в долгу Скэриэл, делая шаг вперёд.

Адам подошёл ближе и встал в стойку, готовясь нанести удар. В этот момент мистер Эн с грохотом опустил кулак на стол. Все, как по команде, посмотрели на него.

— Свои детские разборки оставьте за пределами моего кабинета, усекли?

— Этому ублюдку нельзя верить! Куда делась та партия виса, что вы ему дали в прошлом месяце? — набычившись, закричал Адам. — Я лично опросил всех дилеров в нашем районе. Никто не получал товар.

Он был так зол, что на его шее вздулись вены.

— Это тебя не касается, — хладнокровно ответил мистер Эн. — Захлопни пасть, пока я добрый.

Адам угрюмо замолчал.

— Он выполнял моё задание. Если ты ещё раз сунешь свой нос в мои дела, Адам, я лично его отрежу, понятно?

Скэриэл торжествовал. Он был ниже Адама на полголовы, но выглядел таким довольным, словно мог раздавить того ботинком, если бы захотел.

— Как там тебя? — Мистер Эн посмотрел на меня. — Джером?

— Да, сэр. — Я решил быть вежливым. — Я низший.

— Я тебя помню, — прищурился он. — Ты редко здесь бываешь, верно?

— Чаще всего я работаю в центре, — честно ответил я.

— Принимаешь вис?

— Да. Таблетка в месяц, — соврал я по требованию Скэриэла.

Вис позволял низшим выдавать себя за полукровок благодаря имитации тёмной материи. При этом искусственная тёмная материя не имела никакой физической силы. Фальшивка для отвода глаз, не более.

Вис был дорогим и небезопасным удовольствием. Я слышал истории, что части тела со временем загнивали, чернели и отказывались функционировать — всё это в итоге приводило к ампутации. При этом постепенно организму требовалось увеличивать дозу. Все начинали с таблетки в месяц, через полгода это были уже две таблетки, и так по нарастающей, до тех пор пока иммунная система не начинала сдавать позиции. Низшие годами принимали вис, пытаясь жить как полукровки среди чистокровных, но все они сгорали через десять лет, если не раньше. Передозировка не была редкостью.

Скэриэл сказал, что мне нужно соврать мистеру Эн, будто я сижу на висе.

— Иначе как объяснить то, что ты постоянно обманываешь пограничников при пересечении границ? М? Не думал об этом? — как-то усмехнулся Лоу.

— Не знаю. А если меня спалят? — Не нравилась мне эта идея.

— В чём? Никто не будет проверять тебя в Запретных землях.

Когда мы впервые за долгое время встретились в Запретных землях и Скэриэл поведал о том, что живёт в центре, я было решил, что он подсел на вис. Каково же было моё удивление, когда это оказалось не так. Полукровка, владеющий силой чистокровных. Никаких наркотиков, просто сама судьба благоволила ему.

— Кто твой дилер? — спросил мистер Эн.

— Генри из района Пяти улиц¹, но он теперь живёт в центре, — бойко ответил я, хотя никакого Генри не знал, а просто говорил заученные фразы.

Скэриэл подготовил для меня целое досье на этого дилера, лишь бы я не провалился перед мистером Эном. В первое время я думал, что Скэриэл заставит меня принимать таблетки, чтобы я мог имитировать тёмную материю, но он предложил тренироваться с Эдвардом, улучшать навыки на расстоянии. Мы добились прогресса в этом деле. И хоть я всё ещё паниковал при пересечении границы, нельзя не отдать должное Скэриэлу — он придумал гениальный ход.

— А что по поводу него? — Мистер Эн указал на Скэриэла. — Не помогает ли он тебе с висом?

¹ Район Пяти улиц — основным местом разборок является район под названием «Пять углов». Он получил своё название из-за необычного месторасположения. В начале XIX века там пересекались сразу пять улиц — Энтони, Оранж, Малберри, Кросс и Литл Уотер. Отсылка к книге «Банды Нью-Йорка». (Прим. автора.)

— Да стопудово, — бросил Адам. — Брать в напарники низшего — идиотский поступок.

Скэриэл показал ему средний палец. В ответ Адам сжал свой пах и толкнулся, намекая на то, чтобы Лоу у него отсосал. Адам был прав. Никто не любил работать с низшими, а тем более брать их на важные дела. Адам и Кэмерон — полукровки, им можно доверять. А я низший, да и засветился раньше в клубе за воровством, поэтому Скэриэл решил не ходить по лезвию ножа и не врать насчёт моего статуса.

Иногда честность — лучшее оружие.

— Скэриэл никогда не доставал мне вис, сэр. — Я видел, как мистеру Энну нравится такое обращение.

— Допустим, — ухмыльнулся он. Ни капли он нам не верил. — Если я узнаю, что ты, — он указал на Скэриэла, — вор�ешь у меня наркотик, даже один грамм, я четвертую тебя вместе с твоим напарником.

— Конечно, — убедительно произнёс Скэриэл. — Я вас не подведу.

— А теперь к делу. К северу от района Пяти улиц есть дом. — Мистер Эн поднял тонкий скоросшиватель. — Адрес и фотографии в этой папке. Там живёт семья Уинстона Бойла. Кто это?

— Прокурор, — ответил Адам. — Он посадил несколько наших парней.

— Верно, — одобрительно согласился мистер Эн. — Сам Уинстон Бойл там не живёт, только его престарелые родители. У его отца прибыльный магазин запчастей. Адам и, — мистер Эн пощёлкал пальцами, вспоминая имя напарника, — Кэмерон, обчистите его. Вся наличка, шины, зеркала, двигатель — унесите всё подчистую. Магазин и дом.

— Понятно, — кивнул Адам. — Сроки?

— Весь следующий месяц в вашем распоряжении. Джером займётся слежкой за родителями Бойла. Во сколько

встают, завтракают, работают, во сколько срут и занимаются любовью, если старика ещё не коснулась импотенция. — Он посмотрел на меня: — Ты отвечаешь за наводку и время.

Я кивнул.

— Скэриэл, ты займёшься своим заданием. На тебе Уинстон Бойл, он работает и живёт в центре. Твоя задача — заразить его. Он должен сгореть от болезни за полгода, не больше.

— Понял.

— У вас у всех одна задача — разрушить жизнь Бойла. Если что-то выйдет из-под контроля, то я вас четверых задушу собственными руками, это ясно?

Раздались недружные «да», «ясно», «понятно». Я промолчал.

— А теперь проваливайте. — Мистер Эн нетерпеливо швырнул папку Адаму. — Скэриэл, останься.

Я вышел вслед за Адамом и Кэмероном и торопливо направился к лестнице. Скэриэл предупредил, чтобы, если босс его оставит, я не задерживался, а шёл сразу к Эдварду. Он ждал нас на парковке неподалёку. Я прибавил шагу, надеясь оторваться от Адама. Тот переговаривался с напарником в коридоре.

С силой толкнув тяжёлую дверь, я вышел на улицу и с облегчением вдохнул свежий воздух. Ещё никогда я не был так рад оказаться на улице в Запретных землях. Сделав пару глубоких вдохов, я устремился к наземной многоуровневой парковке.

Впервые я получил задание от самого мистера Эна. Служка — что может быть проще? Я не думал, что он вообще что-то может мне доверить, ведь я был новичком, так ещё и низшим.

Осматриваясь по сторонам, я вошёл на парковку. Эдвард высадил нас на улице, а сам сказал, что припарку-

ется здесь. Не спеша обойдя первый этаж, я направился к лифту. Эдвард ждал на втором этаже.

У самого лифта кто-то со всей силы толкнул меня, отчего меня отшвырнуло к грязной стене.

— Привет, Джером, — проговорил сзади Адам.

Я хотел было послать его на хрен, но он схватил меня за волосы и грубо приложил лицом о стену. У меня чуть искры из глаз не посыпались. Казалось, что он проломил мне левую часть лица, а от скулы и носа вообще ничего не осталось. Я попытался вывернуться, но Адам навалился всем телом, прижимая меня к стене.

— Скажешь своему дружку, что если он ещё раз будет наезжать на меня перед боссом, то я ему хер отрежу, понял?

Я начал брыкаться. В какой-то момент мне удалось высвободить руку и заехать ему локтем. Адам издал смешок и снова со всей дури приложил меня об стену, как тряпичную игрушку.

— Ты понял? — грозно спросил он вновь.

Кажется, я зарычал. Что он от меня хотел? Как я мог ответить, когда он буквально вдалбливал меня в бетонную шершавую поверхность. Я не мог даже открыть левый глаз от боли. Шипел, вырывался, выл, пытался освободиться из захвата. Он рассмеялся за моей спиной.

— Будешь хорошим мальчиком, и я тебя не трону, — проговорил Адам и лизнул меня в правую щёку.

Я снова взревел, принялся вырываться с удвоенной силой. Как хотелось вмазать ему пару-тройку раз! Адам оттолкнул меня в сторону. Не удержавшись, я полетел на пыльный бетонный пол.

Ладони кровоточили, и я сразу вспомнил, как в пять лет отец учил меня кататься на велосипеде. Я упал, разодрал коленки и ладони. После этого отец купил наколенники и перчатки. Почему он не купил их раньше, я не знал.

Это первое, о чём я подумал, оказавшись на полу. Адам скрылся так же тихо, как и появился.

На втором этаже я нашёл машину Эдварда. Он при-
свистнул при виде меня.

— Мистер Эн? — обеспокоенно спросил он, доставая влажные салфетки.

Я помотал головой, сгорая от стыда. Никому не расскажу, что Адам облизал мне лицо. Просто стычка, какие часто происходят в Запретных землях. Я посмотрел на себя в зеркало заднего вида и скривился. Лоб, скула, нос и губы в ссадинах. Больше всего досталось скуле, она кровоточила и саднила. Выглядел я паршиво. Словно участвовал в уличных боях, но на деле меня поимел только один ублюдок.

Эдвард осторожно протёр моё лицо, затем ладони, сетуя на то, что Скэриэл связался с опасной группировкой. В это время я злился только на свою беспомощность.

— Кто тебя так? — не унимался Эдвард. — Это из-за Скэриэла?

— Да не важно, — буркнул я.

— Тебя кто-то отметелил и это не важно?

— Да.

Он устало выдохнул и повернулся всем корпусом в мою сторону.

— Хочу рассказать тебе одну историю.

Я промолчал. Меньше всего хотелось сейчас слушать чужие истории.

— Когда я был молод и не знал, куда идти, то пошёл работать надзирателем в тюрьму для низших. Проработал там два года и насмотрелся на этот ужас. В тюрьме много жёстких правил, и если их придерживаться, то всё будет под контролем, а если нет, то кто-нибудь может затащить тебя в душ, отыметь и зарезать. Я долгое время работал в блоке для тех, кто сидел за нетяжкие преступления. Но

Песнь Сорокопута. Ренессанс

однажды меня перевели к головорезам. Мне дали напарника, наивный был парень, добрый, верил всем.

Я с сомнением посмотрел на Эдварда. Мы никогда не разговаривали по душам. Его биография была для меня покрыта мраком.

— И один из головорезов вдруг начал болтать с этим парнем. И напарник мой от скуки отвечал, хотя я ему говорил, что это против правил. Запрещено контактировать с заключёнными. Когда я уходил в туалет, мой напарник рассказывал, как скучает по семье, по дому. Они оказались из одного района, даже жили где-то рядом. Земляки. Ты думаешь, они стали друзьями?

Я помотал головой.

— Собрав нужную информацию, головорез стал угрожать парню, что, выйдя на свободу, перережет всю его семью, ведь он теперь знает его адрес. Парень был в панике. Этот ублюдок угрожал ему и требовал открыть ночью камеру, помочь с побегом.

— И что сделал твой напарник?

— Он впал в отчаяние, и я его не виню. Этот парень застрелил ночью заключённого и застрелился сам. В его кармане была записка, где он объяснил, почему не мог позволить заключённому жить.

Эдвард замолк, да и я ничего не говорил. Спустя пару минут он произнёс:

— Этот парнишка иногда тебя напоминает. А головорез — это Скэриэл. Он использует любую информацию против тебя, как только это ему понадобится. Будь начеку. Защищай себя.

Немного помолчав, я проговорил:

— Я думал, что ты хорошо к нему относишься.

— Я благодарен ему за то, что он вытащил мою задницу из долговой ямы, но я не хочу в один прекрасный день застрелить его из-за того, что он меня шантажирует.

III

В один из дней, когда моё моральное состояние оставляло желать лучшего, я лежал на кровати, пялился в потолок и занимался тем, что умеют все подростки, — бездарно тратил время впустую. Слова Оливера выбили меня из колеи. Всё чаще я стал проваливаться в свои мысли, теряя связь с реальностью.

Пару часов назад я играл в мяч на заднем дворе. Его как-то оставил Скэр, а в следующий свой приход сказал, чтобы я забрал игрушку себе. Мяч, не больше теннисного, удобно умещавшийся в ладони, изредка служил мне способом отвлечься от тяжёлых раздумий. Я кидал его, целясь в стену, и мяч охотно возвращался ко мне.

Скэриэл любил приносить всякие безделушки: самодельные рогатки, кубик Рубика, слаймы, йо-йо, спиннеры — всё то, что было популярно у детей-полукровок, но прошло мимо чистокровных.

Как-то мы пристроились у окна и стреляли из рогатки по деревьям, пока один из маленьких камушков не попал в припаркованную машину Гедеона. Брат спешил, поэтому оставил машину снаружи и ринулся в дом. По-

сле моего неудачного броска на капоте осталась безобразная царапина. Мы со Скэром спрятались, боясь, что Гедеон узнает и придёт в ярость.

И тут я услышал звук разбитого стекла. Увлёкшись, я отошёл и, не рассчитав силы, попал прямо в окно гостиной. Звон был настолько громкий, что из верхнего окна высунулась белокурая головка Габриэллы. Сестра удивлённо посмотрела на меня и молниеносно скрылась. Я был уверен, что она со всех ног несётся ко мне, желая вблизи рассмотреть последствия забавы. По ту сторону разбитого окна возникло испуганное лицо Сильвии.

— Господин Готье, вы в порядке?

Я промолчал, рассматривая стекло под ногами. Носком ботинка с хрустом наступил на осколок — раздался треск.

Конечно, я был не в порядке. Что хуже всего — я даже не чувствовал вины. Это меня удивило больше всего. Обычно я бы тут же бросился извиняться, а получив нагоняй, безропотно отправился в свою комнату.

— Господин Готье? — Сильвия внимательно всматривалась в моё лицо в ожидании ответа.

Может, она боялась, что я поранился, но ничего такого не было. Я пожал плечами и направился к входной двери. В холле со мной столкнулась Габи.

— Ты разбил окно? Разбил? А как разбил? — не унималась она.

— Ага, — равнодушно бросил я, направляясь к лестнице.

Она выбежала из дома, и вскоре до меня донёсся голос Сильвии из гостиной: «Госпожа Габриэлла, пожалуйста, не подходите близко! Это опасно».

Забрав мяч, я оставил его на столе и улёгся на кровать. Повернул голову и наблюдал за тем, как подарок

Скэриэла безмятежно покоится на столе, нежась в лучах солнца. В противовес тому, какой сегодня выдался погожий денёк, у меня на душе скребли кошки. На том же столе находилась огромная клетка с Килли. Канарейка, подаренная отцом и так бессовестно брошенная мной. Я испытывал чувство вины перед птицей, осознавая, как мало уделял ей внимания. Гедеон тайно кормил Килли, следил за его состоянием, выпускал полетать. Об этом мне сообщила по секрету Габриэлла. В отличие от меня, Гедеон — хороший хозяин и бережно относится к питомцам. Рыбки, доставшиеся от мамы, славно устроились в его комнате. Боюсь представить, что было бы, окажись они у меня. Теперь Гедеон взял на себя заботу и о Килли. Я вдруг вспомнил, как мама мечтала назвать канарейку этим именем. Килли. Киллиан. Специально ли она выбрала? Принц Киллиан Бёрко.

Не стучась, в своей обычной манере в комнату вошла Габриэлла. Она выглядела такой счастливой, что мне аж тошно стало.

— У меня сюрприз! Идём покажу. — Она вся сияла как начищенная монета.

— Не сейчас, — не двигаясь, лениво промолвил я.

— Сейчас! Тебе понравится. — Сестра схватила меня за руку и потянула к себе. Я не сдвинулся с места. Она так и сяк крутила мою руку, тянула, пыхтела, но я продолжал лежать.

— Готье, — Габриэлла принялась канючить, — ну пойдём...

Я тяжело вздохнул. И тут она меня ущипнула, да не раз и не два. У меня вырвался предательский вскрик, и я ошарашенно уставился на неё, потирая покрасневшую кожу. Пришлось проследовать в её комнату, а то, уверен,

она бы не оставила на мне живого места. Габриэлла порой была такой же упёртой, как и Гедеон.

Скэриэл сидел по-турецки, пытаясь уместиться за маленьким столиком, и размахивал руками. Улыбка не сходила с его лица.

— Я сделала ему маникюр! — торжественно объявила Габриэлла, хлопая в ладоши. Она ринулась к Скэру, схватила его за ладонь и показала мне коряво покрашенные чёрным лаком ногти.

— Спасибо за прекрасный сервис, — смеясь, проговорил Скэриэл. — Цвет зашибенный.

— Высохли, — довольно заключила Габи, рассматривая ногти Лоу.

Я поднял руку и показал им большой палец. Не было желания что-либо говорить. Я хотел бы остаться в своей комнате и продолжить пялиться в потолок. Хотел бы, чтобы меня просто оставили в покое. Давно не испытывал такого упадка сил, как сегодня.

— Можно, я тебе тоже покрашу? У меня все цвета есть. Чёрный, белый, красный. Зелёный хочешь? — Габриэлла уселась за столик и принялась хвастаться своей коллекцией лаков. — Готье, какого цвета хочешь?

— Моргни, если она тебя перед этим пытала, — сказал я Скэриэлу.

— Да нет, было весело. Я сразу согласился. — Он потянулся к открытой коробке с шоколадными конфетами и закинул одну в рот. — У неё есть жидкость для снятия лака. Так какой тебе цвет?

— Никакой. — Я завалился на кровать Габриэллы лицом вниз.

— Фу, горький, — скривился Скэриэл. — Биби, можешь воды принести?

— Я буду красить ногти Готье, — надулась Габриэлла.

— Не будешь. — Я повернул голову в её сторону.

— Ну пожалуйста, — начала упрашивать она.

— Нет, Габи, — жёстко отрезал я, на что сестра изумлённо округлила глаза и затихла.

— Да ладно тебе, Готи, — Скэриэл попытался разрядить обстановку, — ты через десять минут всё сотрёшь.

— Кто-нибудь в этом доме понимает слово «нет»? — Я не мог понять причину охватившего меня гнева, но сдержаться не получилось.

Скэриэл замолчал и серьёзно посмотрел на меня. Я отвернулся, но чувствовал, как он прожигает меня взглядом.

— Что-то случилось?

— Он разбил окно в гостиной, — мигом нашла что ответить Габриэлла. Голос её звучал осуждающе. Видимо, она обиделась на меня из-за отказа.

— Биби, принеси мне, пожалуйста, стакан воды, а потом мы с тобой поиграем во что-нибудь, — дружелюбно предложил Скэриэл.

— Во что?

— Может, в парикмахера? Вон у тебя набор детский есть.

— Да! — радостно отозвалась Габриэлла и подскочила. — Только воды? У нас ещё остался пирог. Фанни приготовила сегодня утром.

— С чем он? — заинтересованно спросил Лоу. — А он вкусный?

— Да, очень. — Габи уже стояла в дверях. — С яблоками. Яблочный. Очень вкусный. Я два кусочка съела.

— Ну, раз с яблоками, так ещё и два кусочка, — задумчиво протянул Скэриэл, — тогда неси. Только помни, что никому нельзя говорить, что я здесь, а то не сможем поиграть.

— Я знаю, — ответила Габи и затем добавила шёпотом: — Это наш секрет.

— Секрет, — шёпотом повторил Скэр.

Сколько у неё было этих секретов в её восемь лет, хотел бы я знать. Габриэлла вышла и тихо прикрыла за собой дверь. Совсем не так, как десятью минутами ранее, когда она чуть ли не с ноги вломилась ко мне.

— Что случилось? — повторил он.

«Ты не поймёшь», — хотелось ответить мне. Как ему объяснить, что в последние дни моя жизнь катится под откос? Семья не настоящая, а настоящая мертва. Я оказался наследным принцем, но с какой целью Уильям Хитклиф меня забрал? Как к нему относиться? Он милосердный самаритянин или опасный интриган? Мне было стыдно признаться самому себе, что на фоне правды о семье я продолжал думать об Оливии. Возможно, она питает ко мне совсем не дружеские чувства. Узнай я это раньше, прыгал бы от счастья, но сейчас чувствовал, что ещё больше запутываюсь. И, что неприятнее всего, я думал, что Оливер решил надо мной подшутить, и тогда, признайся я Оливии, выставил бы себя на посмешище.

Я начал путаться с тем, как называть моего ненастоящего отца. Остаётся ли он мне отцом или нет, учитывая, что я не знаю его целей? Империя Бёрко, восстание, убийство императорской семьи, новая страна, а во главе — Совет старейшин. Кто я в этой шахматной партии? Очередная пешка на пути к управлению страной? Что мне делать?

Скэриэл был моим лучшим другом, и мы никогда ничего не скрывали друг от друга, но сейчас я хотел сохранить это в тайне. Если мою семью убили полукровки и низшие, то меньше всего мне хотелось делиться этим со Скэриэлом. Он был полукровкой, а Джером — низ-

шим. Теперь я понимал, что сейчас мы по разные стороны баррикад.

— Ничего. — Я поднялся и серьёзно взглянул на него. — Ты обещал мне экскурсию по Запретным землям.

Скэриэл кивнул.

— Я думал, ты забыл.

— Когда мы сможем это устроить?

Мне хотелось лично увидеть, как живут низшие, что могло сподвигнуть их на восстание, что могло заставить их возненавидеть императора Бёрко и привести к его убийству.

Он пожал плечами.

— Когда твоего отца не будет дома. Прогуливать лицей тебе нельзя.

— Нельзя, — согласился я. — У меня по средам короткий день. Я что-нибудь придумаю, например, что пойду гулять с Оливером, а вместо этого мы отправимся в Запретные земли.

— Да, можно, если Оливер поддержит твоё алиби.

За дверью раздался голос Габриэллы:

— Откройте дверь! У меня руки заняты!

Скэриэл направился к двери.

— Если она будет так кричать, то ваш секрет быстро станет достоянием общественности, — усмехнулся я.

— Пароль? — игриво спросил Скэр у Габриэллы через дверь.

— Пароль? — переспросила она и затихла.

— Я ночью приду к тебе, — произнёс он шёпотом. — Хорошо?

Раньше он этого не спрашивал. Я кивнул в ответ.

— Что кошки говорят? — хихикая, спросил Скэриэл у Габи.

— Мяу-мяу? — весело ответила она за дверью.

— Правильный ответ. — И он открыл дверь. Я надеялся, что Габриэлла забыла о том, что хотела накрасть мне ногти.

Около десяти вечера, когда я лёжа читал и готов был вот-вот заснуть, в дверь постучались.

— Господин Готье, — тихо позвала Лора. — К вам пришёл мистер Брум.

— Оливер? — недоумённо спросил я.

— Да, верно.

— Пригласи его, пожалуйста, в мою комнату.

— Возможно, вам лучше самому спуститься, — нерешительно произнесла она из-за двери.

Я поднялся и открыл ей.

— Что с ним?

— Он не очень хорошо держится на ногах.

Я спустился первым, Лора тихо семенила за мной. В гостиной, уткнувшись в подушки на диване, полулежал Оливер. Он лениво приподнял голову и радостно произнёс:

— Готье, друг мой! Давно мы с тобой не виделись.

Виделись недавно в библиотеке. Сейчас он был пьян. Я повернулся и требовательно спросил у Лоры:

— Кто дома?

— Госпожа Габриэлла принимает ванну. Ей помогает Сильвия. Господин Уильям ещё не вернулся со службы. Господин Гедеон приходил два часа назад и снова уехал.

— Кто его видел? — Я незаметно указал на Оливера, сражающегося с диванной подушкой. Он пытался встать, но терпел поражение за поражением.

— Охрана, я и Фанни.

— Прикажи всем молчать. Ни слова Гедону и отцу. Лора закусила губу, желая что-то сказать, но промолчала.

— Что? — нетерпеливо спросил я, наблюдая за тем, как Оливер уселся и принялся рассматривать попавшую под руку книгу.

— Кевина выгнали за то, что он попросил прислугу не говорить...

— Ладно, понял, — перебил я, — сам расскажу отцу. Ступай и принеси, пожалуйста, воды в мою комнату.

— Готье, — весело проговорил Оливер, когда я закинул его руку себе на плечо, — я хотел пробраться к тебе в комнату через окно, но не дошёл. У тебя грубый охранник.

— Охранник не дал тебе свернуть шею, — пропыхтел я, медленно таща его по лестнице. — Выдам ему премию.

Я боялся, что отец вернётся и застанет Оливера в таком состоянии. Лучше всего было отвести его в мою комнату.

Мы добрых пять минут потратили на попытки преодолеть лестничные пролёты. Оливер доблестно воевал с каждой непокорной ступенькой, попутно рассказывая о том, как он час пытался заказать такси до моего дома.

— Чёртовы таксисты, — не унимался он, — они все думают, что я заблую им салон.

— Или откинешь копыта по дороге, — улыбнулся я.

— В точку. Я правда сегодня перепил. Обычно алкоголь меня не берёт. Я свою меру знаю.

Мы вошли в комнату, и я скинул его на кровать. Не знаю, сколько он весил, но моё плечо болезненно тянуло. В дверь постучали, я без вопросов открыл и забрал поднос у Лоры.

— Передай Сильвии, что ко мне пришёл одноклассник. Пожалуйста, не мешайте нам.

Закрыв за ней дверь, я подошёл и протянул стакан с водой Оливеру. Он с благодарностью принял.

— Расскажешь, что произошло?

— Хороший ты друг. — Он опустошил стакан и вернул мне, усаживаясь на кровати. — Ничего, просто я веселюсь.

— Один веселился? — хмыкнул я. — Или в компании?

— Мне и одному хорошо, — улыбнулся он. — Вот тебя увидел, и ещё лучше стало.

— Приятно слышать, — улыбнулся я в ответ.

Наступила тишина. Я посмотрел на часы.

— Хочешь у меня остаться с ночёвкой? Скоро Скэриэл обещал забежать.

— Нет, нет, я просто... — Оливер запнулся, уставившись куда-то в сторону. — Поговорить с тобой хотел. Мне больше некуда идти.

— А Оливия?

— О нет, она опять разозлится. — Он поморщился. — Кажется, это была глупая идея. Прости.

Оливер торопливо встал и, пошатываясь, направился к двери.

— Куда ты? — Я схватил его за плечо.

— Сейчас я понял, что зря пришёл и только доставил тебе неприятности.

— У тебя проблемы? Нужна помощь?

А про себя подумал, что вот только чужих-то проблем мне сейчас и не хватало.

— Я, кажется, совершил глупость. — Брум испуганно посмотрел на меня, как будто лишь сейчас осознал всю серьёзность происходящего.

— Ага, — понимающе отозвался я, хотя ни черта не понимал. — И?

— Я влюбился, — вдруг ляпнул он.

Я чуть было не сказал «поздравляю», но вовремя прикусил язык.

— В Скэра? — уточнил я.

— В кого? — Он ошеломлённо глянул на меня, а затем к нему пришло озарение. — Он тебе рассказал про поцелуй? Конечно, рассказал. Вы же всё время вместе.

Мне стало неловко.

— Нет, это не Скэриэл. Прости. Я не знаю, что на меня нашло. Просто я был в подавленном состоянии, а потом вы сказали, что не встречаетесь, а ещё ссора с Оливией, и мы остались с ним наедине, — продолжил Оливер сумбурно. — Всё так навалилось в тот день.

— Тогда кто?

— Ты никому не скажешь? Обещай.

— Никому.

— И даже Скэриэлу, — с сомнением в голосе добавил Оливер.

— Слушай, ты можешь не называть имя, если не хочешь, я не заставляю. Так даже будет лучше.

— Нет. Прости. Я просто нервничаю. — Помедлив, Оливер добавил: — Это Берnard.

Так вот почему он на днях спрашивал о Бернарде. Никогда бы не подумал.

— Ого, — выдохнул я в ответ. — Вы встречаетесь? Тайно?

— Я думал, что да. Оказалось, что нет, — мрачно рассмеялся Оливер. — Не это самое паршивое. Он меня использовал.

Брум то хихикал, как глупая девица, то замолкал и серьёзно смотрел в сторону, словно размышлял о смыс-

Песнь Сорокопута. Ренессанс

ле жизни. Его иногда штормило. Вот Оливер уверенно стоит на ногах, и я отпускаю его плечо, а вот он уже хватается за шкаф или стену, чтобы не рухнуть на пол.

Я в недоумении уставился на него.

— Он обдурил меня. — Оливер пригладил волосы, усаживаясь обратно на кровать. — Я всегда считал себя сообразительным, но тут повёлся, как последний дурак. Представляешь? Какой идиот. — Он засмеялся, но выглядел так, словно сейчас разревётся.

— Что он сделал?

Оливер опустил глаза, помолчал, затем медленно про-
изнёс:

— Бернард меня шантажирует.

IV

— Бернард? — переспросил я. — Шантажирует?

Я не хотел делать поспешные выводы, ведь Оливер был пьян и под воздействием алкоголя мог нести откровенный бред. Но вместо ответа он вымученно посмотрел на меня и кивнул.

Улёгшись на кровать, он подтянул колени к груди и угрюмо уставился на противоположную стену, как человек, не справляющийся с тяготами жизни и потерявший веру в то, что всё наладится.

За окном окончательно стемнело. Я слышал, как порывы ветра гоняли пожелтевшие листья на улице. В комнате наступила такая пронзительная тишина, что я мог уловить затруднённое дыхание Оливера. Его тревожное состояние передалось и мне. Я не хотел продолжать разговор, не хотел, чтобы Оливер вываливал все проблемы — пусть молчит дальше, охваченный беспокойством, — и в то же время чувствовал, что поступаю как последняя сволочь, желая сейчас только одного — чтобы Оливер покинул меня как можно скорее.

Возможно, я боялся не его проблем, а того, что ничем не смогу помочь. Я сам был сейчас не в лучшей форме; собственная беспомощность приводила в ярость.

— Почему? — спустя время задал я вопрос, когда понял, что Оливер не жаждет ввести меня в курс дела.

Тяжко вздохнув, он промолвил:

— Не знаю. Может, я притягиваю придурков? — И сам горько усмехнулся.

Я был с этим категорически не согласен. Да, Оливер Брум не самый дружелюбный и общительный человек, но он точно не заслуживал такого. Я вспомнил его пьяную ссору с Оливией и то, как он в порыве гнева выкрикивал все эти жестокие слова о том, что отцу плевать на него. Есть ли в этом доля правды, я не знал. Любил ли его отец? Мистер Брум всегда казался мне строгим, но отходчивым человеком. Проблемы с отцом волновали и меня. Я вдруг понял, как много общего у нас с Оливером. Любил ли меня отец? Не тот, что красуется во всех учебниках истории семьи Бёрко. Любил ли меня когда-нибудь тот отец, который взял меня младенцем в свою семью?

Решив зайти с другой стороны, я спросил:

— Кто-нибудь ещё знает о том, что Бернард тебя шантажирует?

И всё же я не мог оставить его одного, не мог выпроводить в таком плачевном состоянии. Я вдруг почувствовал себя Атлантом, вместо небесного свода охотно взвалившим на свои плечи чужие трудности.

— Оливия знает. — Оливер продемонстрировал забинтованную ладонь. — Порезала мне руку.

— Что, прости?

— Руку, говорю, порезала. И телефон мой утопила, — буднично добавил он; затем, чуть помедлив, без капли гнева резюмировал: — Истеричка.

Кажется, у меня было настолько удивлённое выражение лица, что Оливер одарил меня снисходительной улыбкой. Нахмурившись, я опустил на стул и уставился на гостя. С каждой фразой всё сложнее было воспринимать сказанное всерьёз. На его лице так и читалось довольное: «Да-да, она именно такая, а я тебе говорил».

Прекрасная, как ангел, Оливия? Та самая, что одним своим нежным голосом вводила меня в состояние эйфории? Та, от которой у всех парней кружилась голова? Неужели всё, что говорил Оливер по поводу сестры, — чистая правда? Быть может, Скэриэл прав и я не вижу дальше своего носа. Тогда он говорил о Леоне с его постоянными синяками, затравленным голосом и взглядом, полным печали, но сейчас я и сам всё это стал замечать.

— Слабо верится, — буркнул я в ответ. А что мне ещё оставалось? Я не мог вступить с Брумом в открытый спор, ведь что я, по сути, знал о его сестре?

— И зря, — возразил он. — По этой причине я до последнего не хотел ей говорить.

Вместо того чтобы идти на попятную, избежать дальнейшего разговора, я мягко предложил:

— Может, расскажешь с самого начала?

Оливер замолчал. Я не стал его торопить, понимая, что он, возможно, собирается с мыслями. Или думает о том, как бы поскорее покинуть мою комнату — в какой-то мере этого желал и я. Давить на Оливера я точно не хотел, учитывая, каким жалким он сейчас казался. Если он нуждался в том, чтобы просто поплакаться в жилетку, полежать на моей кровати, бессмысленно рассматривая стену, то кто я такой, чтобы возмущаться. Я ждал, разглядывая прыгающую по клетке канарейку.

— Мы сблизились с ним летом, — внезапно начал Оливер, не отрывая взгляда от стены.

Меньше всего я ожидал услышать тихий стук сбоя. По ту сторону окна взлохмаченный Скэриэл ещё раз постучал костяшками пальцев и помахал мне. Обычно я держал окно приоткрытым, потому что не выношу духоту, но сегодня погода испортилась. Я торопливо поднялся и открыл окно. Холодный ветер ворвался в комнату, сметая со стола тетради. Я опустил тяжёлую клетку на паркет.

— Я не вовремя? — спросил Скэриэл, кивнув на Оливера.

На голове у него было чёрт-те что, напоминавшее воронье гнездо. Я вспомнил, как впервые встретил его в «Глубокой яме» в птичьей маске.

— Ну, — начал было я, оглядываясь на Брума.

— Как ты прошёл мимо охраны? — возмущённо проговорил Оливер, поднимаясь.

— А что? — весело спросил Скэр, пытаясь обуздать тёмные волосы, что так и норовили закрыть ему глаза. Скэриэл пару раз заправил выбившиеся пряди за ухо и ослепительно улыбнулся Оливеру. Я бросил беглый взгляд на Брума — хотел убедиться, не против ли он компании полукровки. Тот растерялся, неловко потёр бледную шею, затем вымученно улыбнулся в ответ. Мне ничего не оставалось, как принять это за согласие.

— Он тоже пытался залезть в окно, но не вышло, — объяснил я, пропуская друга.

Скэриэл проворно перелез через оконную раму и спрыгнул со стола.

— Тут нужна сноровка, — радостно пояснил он.

Я вспомнил, как чуть было не выпал из окна, желая поскорее подслушать Гедеона, и вздрогнул.

— Что обсуждаете? — беззаботно спросил Скэр и, подойдя к клетке, протолкнул указательный палец сквозь прутья. — Привет, мистер птичка.

Я не знал, что ему ответить. Мы обсуждали шантаж Бернарда Дона, вот только я не имел права об этом говорить без разрешения Оливера.

Что до Оливера, то он выглядел потерянным. Видимо, он был морально готов поделиться со мной всей историей, но совсем не ожидал, что так скоро пожалует Скэриэл. Говорить при нём Брум не хотел.

Скэриэл повернулся к нам, выгнул бровь и спросил:

— Ну, что затихли? Я не вовремя?

— Я, пожалуй, пойду. — Оливер встал, пошатываясь.

Он торопливо направился к двери, но чуть было не завалился в сторону. Скэриэл бросился к нему, схватил за руку и помог удержать равновесие. Движения его были резкие, но уверенные.

— Ты пьян? — твёрдо спросил он. Оливер изумлённо уставился на него, и тогда Скэр, смягчив голос, заботливо добавил: — Куда ты в таком состоянии...

При таком контрасте даже мне стало неловко. Звучало интимно, и я вдруг почувствовал себя третьим лишним в собственной комнате.

— Я... домой. Мне надо домой, — обречённо произнёс Оливер, вяло вырываясь.

Скэриэл требовательно посмотрел на меня, словно негодуя: «Да какого чёрта тут происходит?» Выглядел он не на шутку взволнованным, но то, с какой пылкостью он стремился разобраться в ситуации, мигом меня успокоило. Я уже мысленно скинул это бремя на него, мечтая, чтобы Скэриэл как можно скорее разрешил проблемы Оливера. В глубине души я был уверен, что

вот кто-кто, а Скэр точно сможет это сделать, хоть и не представлял как.

— Оливер, стой, — пробормотал я. — Посиди немного.

— Что с тобой? — серьёзно спросил Скэриэл. Он взял Оливера за подбородок и грубо повернул к себе. — Что случилось? — Затем добавил то, что, видимо, с самого начала надеялся услышать каждый из нас, попав в беду: — Я помогу.

Не знаю, что так подействовало на Оливера: стальная хватка, твёрдый голос или это уверенное «я помогу», но он слабо кивнул и произнёс:

— Один человек меня шантажирует.

Так вот как это происходит. Пока я бестолково прыгал вокруг костра, пританцовывая, боясь надавить и чем-то задеть Оливера, Скэриэл просто шёл напролом.

— Кто?

— Готье его знает. — Оливер кивнул на меня.

Скэриэл вопросительно оглянулся, и я добавил:

— Его зовут Бернард Дон. Наш общий приятель. Учится в Академии Святых и Великих.

— Присядь, — властно велел Скэриэл, и Оливер послушно опустился на кровать.

— Он, понимаете... — Брум запнулся, теребя бинт. — Мой отец... — И снова замолчал.

Мы со Скэриэлом тоже молчали, дожидаясь, пока Оливер соберётся с мыслями.

— Я думал, что мы встречаемся, что у нас отношения. Бернард мне нравился, — вздохнув, продолжил он. — Правда нравился. Всегда весёлый, шутит классно. А вот Ви его сразу невзлюбила. — Оливер упомянул сестру, а мой взгляд всё это время был прикован только к его пораненной руке. — И знаете, в Академии на прошлой

неделе было тестирование. Готье, ты ведь в курсе, что мой отец управляет Академией и у него в кабинете есть варианты тестов. Бернард уговорил меня помочь ему. — Оливер горько усмехнулся. — Вот идиот я, да? Пришёл в кабинет отца и, пока его не было, полез в ящики, нашёл тесты и сфотографировал. Отправил Бернарду, и он сдал на сто баллов. — Голос Брума предательски задрожал. — А теперь он хочет, чтобы я помог ему и с сессией. У мистера Барнса сложный экзамен. Я отказался. Один раз я по глупости уже совершил ошибку, подставил этим отца, но во второй раз точно нет. Он сказал, что расскажет моему отцу об этом.

— И тем самым подставит себя? — спросил Скэриэл.

— Не знаю, — удивлённо произнёс Оливер, уставившись на Скэра. Кажется, эта мысль не приходила ему в голову.

— Вот он сукин сын, — добавил я.

— И этому Бернарду нужны новые тесты? — прищурившись, уточнил Скэриэл. Выглядел он как опытный следователь. Для пущей убедительности ему не хватало ещё взять в руки блокнот и время от времени пометать что-то на листе.

Оливер помотал головой.

— Вопросы к экзаменам.

— Разве их не дают до сессии? — спросил я. — Мне кажется, я видел распечатки вопросов у Гедеона.

— Все преподаватели разные. Одни дают, другие нет. Я даже не знаю, существует ли этот список вопросов, но Бернард сказал, что его это не волнует, — с жаром проговорил Оливер. — Говорит, хоть взломай ноутбук отца или мистера Барнса.

— Что будет, если отец узнает? — Я нервозно сел на свой стул, а Скэриэл устроился на полу, сев по-турец-

ки. Я только сейчас обратил внимание, что ногти у него выкрашены в чёрный цвет. Он так и не стёр лак после встречи с Габриэлкой.

— Если узнает? — горько переспросил Оливер. — Что я «встречаюсь», — он изобразил воздушные кавычки, — с парнем, так ещё ворую тесты для него? Даже не знаю... — Он хихикнул, затем провёл пятернёй по волосам. — В очередной раз пожалеет, что я появился на свет. — Его голос дрогнул, и он спрятал лицо в ладонях, шумно дыша.

— Он точно об этом не жалеет, — возразил я, отвечая скорее не Оливеру, а самому себе. Жалел ли Уильям Хитклиф, что взял меня в семью?

— Ты его не знаешь, Готье. Ты ни черта не знаешь... — Оливер повысил голос и злобно посмотрел на меня. — Он годами меня не замечал. Что бы я ни делал: высокие оценки — конечно, конный спорт — легко, — Брум принялся агрессивно загибать пальцы, — участие в шахматном турнире — запросто! Но отец ничего этого не замечает. Зато если Оливия чихнёт в своей комнате, — тут он указал пальцем в сторону, словно комната сестры была расположена в моём доме, — то он мигом прибежит к ней с лимонным чаем. Что мне оставалось делать? Я из кожи вон лез, чтобы добиться его одобрения, — он раскинул руки в стороны, — и что получал в ответ? Безразличие.

Мы со Скэриэлом замерли.

— И тогда я решил, а почему бы просто не заняться своей личной жизнью? — В его голосе послышались истеричные нотки. — Ему плевать на весь мужской род, в том числе и на меня. Я подумал: а что если выбесить его, разозлить, как он меня злит своим отношением? Кого он не любит? Мужчин? Тогда почему бы мне не встречаться с парнем?